Крыштоп Л.Э.

Иоганн Иоахим Шпальдинг и его «Предназначение человека»

Иоганн Иоахим Шпальдинг родился 1 ноября 1714 г. в городе Трибзес (Tribsees), входившем в те времена в состав Швеции (Schwedisch-Pommern)[1]. Его мать, урожденная Лемент, была дочерью пастора. Его отец, Иоахим Георг Шпальдинг (1681–1748), занимал с 1709 г. должность ректора школы, впоследствии стал дьяконом (1725), а тремя годами позже (1728) – пастором прихода в Трибзесе[2]. С 1731 по 1733 г. И.И. Шпальдинг изучал теологию в Университете Ростока. В соответствии с воспоминаниями самого Шпальдинга[3], философия в университете Ростока в то время была практически полностью проникнута аристотелевско-схоластической традицией, и только некоторые профессора разделяли позиции, близкие эклектизму в стиле И.Ф. Будде[4]. Вольфианская же философия, напротив, подвергалась значительной критике, особенно на лекциях Ф.А. Эпинуса, одного из наиболее значимых оппонентов школьной метафизики. В целом можно сказать, что Шпальдинг не был доволен царившей тогда в университете атмосферой консерватизма и ортодоксии. Именно в эти годы, по его свидетельству, он научился презирать пиетизм и унионизм[5]. Ситуация в университете начала меняться только с 1733 г. в связи с появлением новых профессоров – И.Б. Бильфингера и И.Г. Ганца. Как бы то ни было, Шпальдингу приходится покинуть

[1] Северная часть Померании (теперь земля Mecklenburg-Vorpommern) отошла по условиям Вестфальского мира 1648 г. к Швеции, в составе которой оставалась вплоть до 1815 г.

[2] См.: Deutsches Geschlechter Buch. Bd. 68. S. 261 XIV c. [Onlinefassung]; URL: http://wbt.warius.info/individual.php?pid=I1273&ged=Warius.ged. Дата обращения: 04.02.2013.

[3] Автобиография Иоганна Иоахима Шпальдинга с дополнениями, сделанными его сыном Георгом Людвигом, была издана в 1804 г. в Халле: Johann Joachim Spalding's Lebensbeschreibung von ihn selbst aufgesetzt und herausgegeben mit einem Zusatze von dessen Sohne Georg Ludewig Spalding. Halle, 1804.

[4] См.: Op. cit. S. 3.

[5] См.: Op. cit. S. 4.

Росток. После окончания университета он долгое время не может найти себе постоянного места службы. Ему приходится работать домашним учителем и помогать в церковном служении своему отцу, читая проповеди. В 1734 г. Шпальдинг переезжает в Грайфсвальд, где знакомится с профессором логики и метафизики П. Альвардтем, придерживавшимся философии А. Рюдигера. Последняя рождает в нем все больше и больше вопросов относительно вольфианской метафизики, результатом чего становится его решение вернуться в Росток, где в 1736 г. он защищает диссертацию по философии «Bigae quaestionum metaphysicarum», посвященную разбору онтологии Вольфа[6]. В начале 40-х гг. Шпальдинг начинает изучать английский. Одним из первых трудов, прочитанных им на этом языке, становится Шефтсбери[7], оказавший на него в дальнейшем сильное влияние. В 1745 г. Шпальдинг получает предложение заменить на должности секретаря шведской миссии, не способного ввиду болезни дальше исполнять свои служебные обязанности. Это предложение он с радостью принимает и после четырех недель усиленного изучения шведского переезжает в Берлин[8], где и знакомится с А.Ф. Заком, к тому времени уже известным проповедником и теологом. В 1749 г. Шпальдингу удается получить постоянное место пастора в Ласзане (Lassahn) – небольшой деревушке на юго-западе земли Мекленбург – Передняя Померания. В 1757 г. он переезжает в Барт (Barth), а в 1764 г. его назначают суперинтендантом и членом высшей консистории в Берлине. Такое возвышение Шпальдинга во многом было связано с личностью императора Фридриха II (1712–1786), ориентировавшегося в своей религиозной политике на тенденции Просвещения. Однако уже при его приемнике, Фридрихе Вильгельме II (1744–1797), ситуация кардинально меняется, что отражается и на служебном по-

[6] Достаточно подробный разбор диссертации Шпальдинга можно найти в статье М. Сгарби, усматривающего в ней не только значительную оригинальность по сравнению с бытующими в то время в Ростоке и Грайфсвальде мнениями, но и предвосхищение идеи «эссенционализации бытия» Э. Жильсона: *Sgarbi M.* Il destino dell'ontologia. Johann Joachim Spalding interprete di Christian Wolff // Zwischen Grundsätzen und Gegenständen. Untersuchungen zur Ontologie Christian Wolffs / Hrsg. von F. Fabbianelli, J. F. Goubet, O.-P. Rudolph. Hildesheim, 2011. S. 171–182.

[7] См.: Johann Joachim Spalding's Lebensbeschreibung von ihn selbst aufgesetzt und herausgegeben mit einem Zusatze von dessen Sohne Georg Ludewig Spalding. S. 17.

[8] Op. cit. S. 26.

ложении Шпальдинга. После эдикта Вёльнера[9] от 9 июля 1788 г., который явно был направлен против просвещенческих настроений в сфере религии, Шпальдинг, опасаясь обвинений в ереси, уходит с поста суперинтенданта, оставаясь, тем не менее, членом высшей консистории до 1791 г. Последние годы жизни Шпальдинга проходят в Берлине, где он ведет уединенный образ жизни и умирает 22 мая 1804 г. от старости.

Шпальдинг оказал значительное влияние на мыслителей своего времени, причем не только своими сочинениями и проповедями, но также и своей переводческой деятельностью. Так, благодаря Шпальдингу немецкому читателю стали доступны труды таких философов, как Шефтсбери[10], Фостер[11], Гастрелл[12], Батлер[13], ле Клерк[14]. Из собственных произведений Шпальдинга, помимо «Размышления о предназначении человека», следует особо отметить такие работы, как «Мысли о ценности чувств в христианстве» (1761)[15], во многом представляющие собой полемику с пиетизмом, а также «О пользе службы проповедника и ее поощрении» (1772)[16] – это сочинение написано под влиянием занимаемой им в то время должности советника выс-

---

[9] Иоганн Кристоф Вёльнер (1732–1800) – при Фридрихе Вильгельме II был действительным государственным министром и министром юстиции, а также возглавлял департамент духовных дел. Его имя в прусской истории связано с ужесточением цензурного режима (см.: *Bailleu P.* Woellner, Johann Christof von // Allgemeine Deutsche Biographie 44, 1898. S. 148–158 [Onlinefassung]; URL: http://www.deutsche-biographie.de/sfz86145.html. Дата обращения: 04.02.2013.

[10] *Shaftesbury A.A. C.* Die Sittenlehre oder Erzählung philosophischer Gespräche, welche die Natur und die Tugend betreffen. Berlin, 1745. Или: Untersuchung über die Tugend. Berlin, 1747.

[11] *Foster J.* Betrachtungen über die vornehmsten Stücke der natürlichen Religion und der gesellschaftlichen Tugend. Bd. 1. Leipzig, 1751. Bd. 2. Leipzig, 1753.

[12] *Gastrell F.* Vorstellung der deistischen Grundsätze in zwo Unterredungen zwischen einem Zweifler und einem Deisten. Leipzig, 1755.

[13] *Butler J.* Bestätigung der natürlichen und geoffenbarten Religion aus ihrer Gleichförmigkeit mit der Einrichtung und dem ordentlichen Laufe der Natur. Nebst zwo kurzen Abhandlungen von der persönlichen Identität und von der Natur der Tugend. Leipzig, 1756.

[14] *Clerk J.Le.* Untersuchung des Unglaubens nach seinen allgemeinen Quellen und Veranlassungen. Nebst zwei Briefen von der Wahrheit der christlichen Religion. Halle, 1747.

[15] *Spalding J.J.* Gedanken über den Werth der Gefühle in dem Christenthum. Leipzig, ^{4}1773.

[16] *Spalding J.J.* Ueber die Nutzbarkeit des Predigtamtes und deren Beförderung. Berlin, ^{3}1791.

шей консистории. Публиковались и его проповеди, причем как отдельными изданиями, так и целыми сборниками[17].

В последнее время появляется все больше и больше новых исследований, посвященных творчеству Шпальдинга и рассматривающих его не только и не столько как предтечу взглядов последующих более известных мыслителей, таких как Мендельсон, Шиллер, Кант, Фихте и др., но и как самостоятельного философа и теолога[18]. В центре внимания при этом оказываются теологические взгляды Шпальдинга – его понимание христианства и предлагаемый им вариант теологической антропологии, выражающийся в размышлениях о цели и смысле земного существования человека и об отношении, в котором человек стоит к Богу.

«Размышление о предназначении человека» было впервые издано анонимно в Грайфсвальде в 1748 г. в объеме 26 страниц и быстро приобрело большую популярность. Впоследствии оно много раз переиздавалось, постоянно расширяясь, причем как за счет дополнения новыми соображениями уже существовавших разделов, так и добавления новых. Так, в третьем издании 1749 г. появляется раздел о роли откровения и благодати, сохранявшийся вплоть до десятого издания

[17] См., напр.: *Spalding J. J.* Predigten. Berlin, Stralsund, ^{3}1775 (^{1}1765).

[18] Первыми исследователями, обратившими пристальное внимание на колоссальное значение Шпальдинга для всего немецкого Просвещения, были И. Шольмайер и Н. Хинске: *Schollmeier J.* Johann Joachim Spalding. Ein Beitrag zur Theologie der Aufklärung. Gütersloh, 1967; Die Bestimmung des Menschen / Hrsg. von N. Hinske. Hamburg, 1999. Особая заслуга в перемене направления интерпретации Шпальдинга принадлежит А. Бойтелю: *Beutel A.* Johann Joachim Spalding. Populartheologie und Kirchenreform im Zeitalter der Aufklärung // Theologen des 17. und 18. Jahrhunderts: konfessionelles Zeitalter, Pietismus, Aufklärung / Hrsg. von P. Walter, M. H. Jung. Darmstadt, 2003. S. 226–243; *Beutel A.* Aufklärung des Geistes. Beobachtungen zu Spaldings Pfingstpredigt „Der Glaube an Jesum, als das Mittel zur Seeligkeit" // Christentum im Übergang. Neue Studien zu Kirche und Religion in der Aufklärungszeit / Hrsg. von A. Beutel, V. Leppin, U. Sträter. Leipzig, 2006. S. 119–128; *Beutel A.* Aufklärung in Deutschland. Göttingen, 2006. Помимо этого, следует упомянуть также такие работы, как: *Tippmann C.* Die Bestimmung des Menschen bei Johann Joachim Spalding. Leipzig, 2011; *Raatz G.* Johann Joachim Spaldings "Bestimmung des Menschen" (1748): eine genetisch-systematische Rekonstruktion. Leipzig, 2012; *Macor L. A.* Die Abhängigkeit des Menschen von Gott. Zur Endlichkeit als Geschöpflichkeit bei Johann Joachim Spalding // Endlichkeit und Transzendenz. Perspektiven einer Grundbeziehung / Hrsg. von J. Sirovatka. Hamburg, 2012. S. 124–131; *Macor L. A.* Die Bestimmung des Menschen (1748–1800). Stuttgart-Bad Cannstatt, 2013.

1774 г., но отсутствующий в последующем издании 1794 г. Начиная с седьмого издания (1763) сочинение выходит с указанием авторства Шпальдинга (хотя и не на самом титульном листе) и с сокращенным названием – «Предназначение человека». В этом же издании были добавлены четыре новых раздела, сохранившихся и в одиннадцатом издании: «Счастливая старость»[19], «Человеческие чаяния», «Решимость» и «О ценности благоговения». Тогда же появляется деление на разделы. Одиннадцатое и последнее издание 1794 г. со всеми добавлениями составляло уже 244 страницы. Помимо авторизованных одиннадцати изданий выходили и различного качества перепечатки, что нередко осложняет нумерацию изданий[20]. Кроме того, текст переводился и на другие языки (французский, нидерландский, латинский, шведский, чешский, русский), благодаря чему был хорошо известен и за пределами Германии.

В России существовало два различных перевода. Первый был осуществлен Алексеем Васильевичем Олешевым (1724–1788) и вышел в 1774 г. в Санкт-Петербурге в составе сборника, в который помимо «Размышления об определении человеческом» Шпальдинга входили еще и выдержки из сочинения Пьера дю Мулина и собственные мысли самого Олешева[21]. В переводе отсутствует разделение на разделы. Этот перевод переиздавался в 1780 г., будучи расширен за счет перевода разделов, добавленных Шпальдингом в издании 1763 г.[22] Основной текст полностью повторяет перевод 1774 г. и при-

[19] Этот раздел изначально представлял собой надгробную речь в честь бранденбургского гофмейстера Иоганна Филиппа фон Норманна и был издан по обычаю того времени отдельным изданием: Das glückliche Alter. Ein Betrachtung von *J.J. Spalding*. Berlin, Leipzig, 1758.

[20] Так, можно встретить утверждение, что последнее издание 1794 г. является тринадцатым по счету. См., например: *Müller W.E.* Einleitung // *Spalding J.J.* Die Bestimmung des Menschen. Waltrop, 1997. S. X.

[21] *Шпальдинг И. И.* Размышление об определении человеческом: Пер. А. В. Олешева // Начертание благоденственной жизни, состоящее: (1) в размышлении г. Шпальдинга об определении человека. (2) в мыслях г. дю Мулина, о спокойствии духа и удовольствии сердца. и (3) в пятидесяти статьях нравоучительных разсуждений. СПб., 1774. С. 1–26.

[22] Размышление г. Шпальдинга об определении человека с дополнением новых изданий: Пер. А.В. Олешева // Надежный, пристойный и спасительный путь к снисканию благополучия, или бриллиантовая книжка. СПб., 1780. С. 13–94. У сборника имеется также и второе, альтернативное название: «Вождь к истинному благоразумию и к совершенному счастию человеческому». В обоих случаях содержание остается идентичным.

водится, так же как и там, без титулов разделов. Однако есть основание предполагать, что тексты разделов-дополнений были выполнены Олешевым по восьмому изданию 1764 г., так как именно этому изданию приписывается их появление. Второй перевод был выполнен Василием Алексеевичем Левшиным (1746–1826) и издан в 1779 г. в Москве. Текст содержит подразделения на разделы и добавления по третьему изданию Шпальдинга (1749)[23], а также прибавления по изданию 1763 г. При этом остается не совсем понятным, каким точно изданием пользовался сам Левшин. Но в силу того, что весь текст разделен на разделы, не оставляет сомнений, что Левшин изначально пользовался седьмым или более поздним изданием. Если перевод Олешева, как в первом, так и во втором своем издании, представляет собой, хотя и очень близкий к оригиналу, но все же, скорее, пересказ текста самого Шпальдинга, то работа Левшина является непосредственно переводом. И перевод Левшина, и переводы Олешева с XVIII в. ни разу не переиздавались, поэтому, желая ознакомиться с ними, мы сталкиваемся со старой русской орфографией и несколько устаревшей морфологией, что само по себе уже осложняет восприятие текста, а также с целым рядом лексических и синтаксических архаизмов, порой с трудом понятных современному русскоязычному читателю. В предлагаемом переводе первого издания «Размышлений» Шпальдинга была предпринята попытка приблизить текст к современной языковой форме, по возможности передавая стилистические особенности оригинала, генезис которого тесно связан с проповедческой деятельностью его автора. По возможности в примечаниях к переводу проводятся параллели с непосредственными предшественниками Шпальдинга, а также с Кантом, на которого рассматриваемый труд оказал значительное влияние.

Основной вопрос, который Шпальдинг ставит в самом начале своего «Размышления», звучит так: «...почему я здесь и кем я в соответствии с разумом должен быть»?[24] Будучи так сформулирован, он открывает широкий простор для рассмотрения подлинной цели человеческой жизни, а также о возможных способах ее достижения. По сути, свои усилия автор направляет на поиски наиболее правильного и подобающего для человека образа жизни.

---

[23] *Спалдинг И. И.* Предопределение человека: Пер. В. А. Левшина. М., 1779.

[24] *Spalding J. J.* Die Betrachtung über die Bestimmung des Menschen. Greifswald, 1748. S. 3.

Последовательно разбираются несколько возможностей проживания на земле отпущенного нам времени. Первый, и наиболее очевидный, путь – жизнь в непрестанной погоне за все новыми чувственными наслаждениями – очень быстро отбрасывается ввиду своей полной несостоятельности и непригодности. Второй возможный путь – концентрация на развитии духа, заложенных в него способностей – может, правда, наполнить душу тем благорасположением, которого ей недостает в одних лишь чувственных удовольствиях, но и такой путь, концентрирующийся, в конечном счете, только на себе, хоть и является гораздо предпочтительнее, нежели погружение в одни лишь чувственные утехи, все же не является еще тем, к чему мы призваны. Шпальдинг обнаруживает в своей душе еще один вид удовольствия, такой же врожденный и естественный, как и наслаждение чувств, а именно удовольствие от доброго дела в отношении другого человека. Он, очевидно, не имеет ничего общего со стремлениями к собственной выгоде и благополучию и должен проистекать из какого-то совершенно иного источника, которым, по Шпальдингу, оказываются изначально заложенные в самой душе понятия о том, что справедливо и что подобает человеку, как свободному разумному существу. В окружающем нас мире мы наблюдаем разумный порядок и гармонию. Фактически, нашей единственной задачей оказывается не нарушить эти существующие помимо нас и до нас отношения между вещами мира, а напротив, всеми силами стараться упрочить существующее между ними согласие.

Но кто является создателем этого изначального и всеобщего порядка? Здесь Шпальдинг переходит к размышлениям о Боге, о творце всего сущего, о первообразе совершенства. По сравнению с ним каждый человек ничтожен, и чем-то его делает лишь способность ощущать и восходить к истокам этого предзаданного божественного порядка в окружающем мире, т.е. способность познания Бога. Именно к такому познанию и призван человек, и именно это познание и является конечной целью души. Однако такое восхождение возможно только для праведной души, живущей в соответствии с моральными установлениями. Только так душа может снискать благорасположение Бога, в чьих руках находятся все судьбы. В нем же коренится и упование человека на счастье, ведь если сам человек не сделает себя посредством своих безнравственных действий недостойным божественного благорасположения и заботы, то кто же сможет ему навредить?

Однако в силу того что здесь, на земле, в нашей повседневной жизни мы вовсе не видим какого-либо особого попечения со стороны творца о праведных душах, мы естественным образом приходим к убеждению, что душа призвана к вечной жизни и именно после смерти, в том ином, загробном мире, обретет справедливое воздаяние за все свои земные дела.

Таким образом, Шпальдинг освещает в своем труде основные разделы христианского катехизиса: отношение к себе самому (забота о природных потребностях, обусловленных чувственной природой, и о развитии способностей духа), отношения к ближним и отношение к Богу. Гораздо более примечателен тот способ, которым автор переходит от одного раздела к другому и восходит, начиная от чувственности, к Богу и бессмертию души. Такой связующей нитью в «Размышлении» является, по сути, опыт интроспекции. Хотя Шпальдинг и привлекает к рассмотрению примеры жизни других людей, основным методом для него является все же метод самонаблюдения. Именно чувства, которые он находит в своей собственной душе, шаг за шагом утверждают его в правильности избранного пути и служат, таким образом, ориентирами в его размышлениях. Как справедливо замечают некоторые исследователи, работа Шпальдинга по форме и методу является аналогичной декартовским «Размышлениям о первой философии» (1641) и продолжает в этом отношении новоевропейские традиции интроспекции[25]. Принципиальной разницей, однако, становится содержание и направленность усилий. В отличие от основного вопроса своих предшественников – «как достичь абсолютной достоверности познания?», – Шпальдинг интересуется, по сути, только тем, «что человек должен делать?» И в этом отношении его труд образует своего рода оппозицию декартовским «Размышлениям», а вместе с тем и всей предшествующей европейской рациональной метафизике. В соответствии с этим его и традиционные метафизические доказательства бытия Бога, представляемые Декартом, отбрасываются, а вместо них появляются доказательства бытия Бога и бессмертия души, исходящие из личного опыта. У Шпальдинга неявно присутствуют несколько разновидностей такого рода доказательств, в частности представляющее собой наиболее распространенный подвид доказательство, отправной точкой которого служит факт наличия у человека совести как гласа Божия. Однако примечательно, что у Шпальдинга

[25] См.: *Brandt R.* Die Bestimmung des Menschen bei Kant. Hamburg, 2009. S. 63.

мы находим аргументацию в пользу бессмертия души, очень схожую с последующей аргументацией Канта. Речь идет о том, что Шпальдинг, как фактически и Кант в «Критике чистого разума», утверждает, что мы, не видя здесь, на земле, справедливого воздаяния праведникам за добро, а грешникам за зло, вынуждены проецировать идеальный справедливый мир на мир загробный, т.е. призваны верить в бессмертие души[26]. Это позволяет некоторым исследователям не только говорить о наличии у Шпальдинга морально-практических доказательств, аналогичных кантовским, но и видеть в Шпальдинге предтечу кантовской программы разрушения метафизики для освобождения места морали и вере[27].

Следует отметить, что перенос основного внимания с вопросов достоверности познания на сферу деятельности человека не является особенностью непосредственно работ Шпальдинга, а напротив, представляет собой в значительной степени общую тенденцию немецкого Просвещения. Определенные варианты ответа на вопрос о цели человеческой жизни мы можем найти, хотя и в неявной форме, уже в монадологии Г.В. Лейбница, как, впрочем, и у других философов других эпох. Однако в целом можно сказать, что мыслителей более ранних эпох больше беспокоили вопросы познания, что приводило к тому, что и основная цель человеческой жизни усматривалась в познании и в совершенствовании своего познавательного аппарата. С начала эпохи Просвещения в Германии можно говорить о постепенном смещении акцентов с познавательной деятельности человека как основной его задачи (предназначения) на сферу общественной жизни, в силу чего немецкое Просвещение, по аналогии с сократовским переворотом в Античности, нередко называют «сократическим веком»[28]. Начало этому процессу в рамках немецкого Просвещения во многом было положено трудами Хр. Томазия (1655–1728), придававшего особое значение общественно-политической сфере: основное предназначение человека – гармоничное общежитие (так как именно к общежитию Бог предназначил человека, в отличие от животного), осно-

[26] См.: *Spalding J. J.* Die Betrachtung über die Bestimmung des Menschen. S. 21. Ср.: *Kant I.* Kritik der reinen Vernunft. B 839/ A 811; *Кант И.* Критика чистого разума. М., 1994. С. 475.

[27] См.: *Brandt R.* Die Bestimmung des Menschen bei Kant. S. 63.

[28] См.: *Ciafardone R.* Einleitung // Die Philosophie der deutschen Aufklärung. Texte und Darstellung / Hrsg. von R. Ciaffardone, bearb. von N. Hinske, R. Specht. Stuttgart, 1990. S. 15.

ванное на принципах любви к ближнему[29]. Однако Шпальдинг идет в этом отношении еще дальше, не просто перенося вопрос о предназначении человека в сферу морали как основы благополучного сосуществования людей в обществе, а в сферу подлинно этического. Добродетель оказывается основной отличительной чертой человека как такового. И именно в этой особенности человеческого существа, вложенной в его душу Богом, и скрыто предназначение человека – быть праведным. При таком ответе на поставленный вопрос речь уже не идет о таких непосредственных последствиях праведного образа жизни, как гармония в обществе. В каком-то смысле человек остается один на один перед лицом своей совести. Независимо от того, как складываются внешние обстоятельства его жизни, он призван к праведности.

Однако в еще большей степени, чем постановка вопроса о предназначении человека и смысле земной жизни, примечательно само название труда – «Предназначение человека». Насколько можно судить, само это сочетание до Шпальдинга никем не употреблялось и является, таким образом, удачным авторским нововведением[30], очень быстро прижившимся и завоевавшим себе прочное место среди ключевых слов, характеризующих дальнейшее развитие философской мысли в Германии в эпоху Просвещения. К чему призван человек? – нам сложно найти мыслителя, который бы в XVIII в. в той или иной форме не попытался дать своего ответа на данный вопрос. Предназначение человека заботило философов самых разнообразных направлений и взглядов. Неудивительно, что и ответы на этот вопрос

[29] *Thomasius Chr.* Von der Kunst Vernünfftig und Tugenhafft zu lieben. Halle, [4]1706. S. 88–90 (Hauptstück 2, § 71–74, §79–80). Стоит, однако, отметить, что и после Томазия такой взгляд на предназначение человека еще долгое время не являлся в Германии ни единственным, ни даже основным. Так, Хр. Вольф и его последователи продолжают в этом отношении, скорее, традиции предшествующих эпох, выделяя познание в качестве основной способности человека. Но в то же время, уже у Хр. А. Крузия, главного оппонента зрелого Вольфа, мы можем проследить все быстрее набирающее обороты представление о приоритете практического над теоретическим, выражающееся в отведении определяющей роли способности воли, а не рассудку (см.: *Crusius Chr. A.* Entwurf die nothwendigen Vernunft-Wahrheiten, wiefern sie den zufälligen entgegen gesetzet werden. Leipzig, [3]1766. S. 931 [§ 454]; *Crusius Chr. A.* Anweisung vernünftig zu leben. Leipzig, [3]1767. S. 10 [§ 7], S. 35–36 [§ 28]. Ср.: *Thomasius Chr.* Fundamenta juris naturae et gentium ex sensu communi deducta. Halle, Leipzig, [2]1708. S. 27 [liber 1, caput 1, § 54], S. 25 [liber 1, caput 1, § 46]).

[30] См.: *Brandt R.* Die Bestimmung des Menschen bei Kant. S. 62.

давались очень разнообразные, а порой и прямо противоположные. Показательным примером последнего является дискуссия, возникшая между Т. Аббтом (1738– 1766) и М. Мендельсоном (1729–1786). В то время как Аббт критиковал оптимизм Шпальдинга, отстаивая в целом не характерную для немецкого Просвещения позицию принципиальной непознаваемости для нас нашего предназначения, Мендельсон, напротив, выражал полную уверенность в способностях человека познать и реализовать свое предназначение[31]. Само же это предназначение Мендельсон определял «как меру и цель всех наших устремлений и усилий, как точку, к которой мы должны устремить наши взоры, если мы не хотим потерять самих себя»[32]. Свой ответ на вопрос о предназначении человека давали в дальнейшем Г.Э. Лессинг, И. Кант, Ф. Шиллер, И.В. Гёте и многие другие. Пожалуй, кульминационной точкой в этом процессе можно считать работу И. Г. Фихте «Предназначение человека» (1800), после чего интерес к этой теме резко идет на спад.

Тщательно разбирая в «Предназначении человека» основные способности, склонности и потребности, присущие человеку, и пытаясь проследить их происхождение и взаимодействие с Богом, Шпальдинг закладывает тем самым основы новой теологической антропологии, значение которой для эпохи Просвещения сложно переоценить. Одной из важных тем, ставшей с 1761 г. основной для сочинений и проповедей Шпальдинга, зачатки которой мы можем проследить уже в первом издании «Размышления», является полная «зависимость человека от Бога»[33]. При этом у Шпальдинга мы наблюдаем две противоположные тенденции. С одной стороны, он идет вразрез с ортодоксальной линией лютеранства, пытаясь восстановить в достоинстве чувственную природу человека, со всеми ее склонностями и потребностями. Тело, как и дух, является частью нашей природы, и в наши обязанности входит забота о поддержании

[31] См. об этом подробнее разъяснения Р. Чафардоне в: Die Philosophie der deutschen Aufklärung. Texte und Darstellung. S. 42-43, см. также соответствующие отрывки из текстов Т. Аббта и М. Мендельсона: Op. cit. S. 80–95.

[32] *Мендельсон М.* Что значит просвещать? // Кантовский сборник. 2011. № 3. С. 74–78 (С. 75).

[33] По всей видимости, этот термин был заимствован Шпальдингом у Зака. См. об этом подробнее: *Macor L. A.* Die Abhängigkeit des Menschen von Gott. Zur Endlichkeit als Geschöpflichkeit bei Johann Joachim Spalding // Endlichkeit und Transzendenz. Perspektiven einer Grundbeziehung. Hamburg, 2012. S. 124–131.

телесных сил и удовлетворении телесных потребностей. С другой же стороны, Шпальдинг настойчиво подчеркивает всемогущество Бога, по отношению к которому мы суть ничто, и утверждает абсолютную зависимость человека от Бога. Но для самого Шпальдинга между этими суждениями нет противоречия. Возвеличивание Бога вовсе не умаляет, в его глазах, достоинство человека. Скорее наоборот, возвеличивание Бога приводит и к возвеличиванию человека как Его главного творения. Пропасть между творцом и человеком Шпальдинг преодолевает, утверждая, что все, что мы имеем, существует только благодаря Богу. Все, даже то, что, как нам кажется, было достигнуто нами только благодаря нашим способностям и талантам, в конечном счете, является данным нам Богом, так как именно Он вложил в нас эти способности и таланты. В этом и проявляется полная зависимость человека от Бога, которая, тем не менее, именно в силу своей полноты и всеохватности, не приводит к умалению достоинства человеческой природы. Но Шпальдинг не только восстанавливает в законных правах чувственную (телесную) природу человека, но и восхваляет разум человека как основную способность познания окружающего мира и себя самого. Это не могло не отразиться на его взглядах на значение естественной религии. В духе направления ноологии, наиболее видными представителями которого являются И.Ф.В. Иерусалим и Г.С. Реймарий, Шпальдинг настаивает на важности религиозных истин, которые доступны человеческому разуму или могут быть им объяснены[34]. Кроме того, Шпальдинга роднит с ноологами и подчеркнутое внимание к физико-теологии, и особый акцент на нравственной стороне веры. Но в то же время в корне неверно проводить какие-то более близкие параллели, так как для Шпальдинга вовсе не было характерно ни отдавать естественному свету человеческого разума в вопросе познания божественной сущности беспрекословный приоритет, ни тем более считать сверхъестественное Откровение чем-то избыточным. Так, мы не найдем у Шпальдинга ничего, хотя бы отдаленно напоминающего историческую критику Священного Писания или утверждение, что сверхъестественное Откровение не может являться средством спасения, что было характерно для Реймария.

[34] Ср. с разделением Кантом Откровения на внешнее (слова и дела) и внутреннее (разум). Последнее «должно предшествовать всему остальному и служить для оценки внешнего [Откровения]» (Kants Vorlesungen über die philosophische Religionslehre / Hrsg. von K. H. L. Pölitz. Leipzig, 1817. S. 201).

Напротив, в прибавлении к третьему изданию «Размышления» Шпальдинг старается защитить христианское учение от несправедливых нападок и пишет, что «люди, усматривающие в преимуществах естественной религии и морального учения основание оспаривать достойность любви и истину христианской веры», подвергают его рассуждения о предопределении человека злоупотреблению, в высшей степени вредному его намерению[35]. Само же содержание христианского учения Шпальдинг считает достойным всяческих похвал, так как оно имеет своей целью «сделать людей добрыми и счастливыми», в силу чего «является необходимым в нынешнем состоянии падения»[36]. Кроме того, для Шпальдинга очевидно, что «не могло бы быть естественной религии между людьми, если бы ей не предшествовала религия откровения»[37].

Таким образом, в творчестве Шпальдинга мы можем найти как много черт, роднящих его с другими философами и теологами его времени, так и отличающих его от них, что только подчеркивает его самобытность. Влияние же, которое Шпальдинг оказал на последующее развитие немецкого Просвещения, сложно переоценить. Все это делает его фигурой, достойной пристального внимания и исследования.

[35] *Spalding J. J.* Die Bestimmung des Menschen. Tübingen, 1787. S. 56.
[36] Op. cit. S. 59.
[37] Op. cit. S. 58.